

УДК 821.512.122-7.09(045)

*А.Т. Бактыбаева***ФИЛОСОФСКО-ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ И ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИЕ
В ПРОЗЕ СОВРЕЕННОГО КАЗАХСКОГО ПИСАТЕЛЯ БАХЫТ ЖАНА**

Статья посвящена анализу способов передачи философско-юмористического мироощущения в произведениях Бахыт Жана. Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью данной проблематики в современной филологии Казахстана. Научная новизна заключается в том, что впервые автор статьи рассматривает философско-юмористическое мироощущение на примере рассказов разных лет. Методами исследования стали: метод целостного анализа литературного произведения; типологический метод; компонентно-семантический анализ, необходимый для определения комического смысла на различных уровнях художественного текста. Результаты исследования показали, что составляющие философско-юмористического отношения к миру – это празднично-карнавальная стихия некоторых рассказов, ситуация-антитеза, комическая словесно-зрелищная форма, комический контраст, которые возникают на основе сюжетного контекста, комического диалога и наличия фигуры трикстера. Элементы данного мироощущения выполняют характерологическую (высвечивают состояние героев, описывают их отношение к происходящему) и эмотивную (передают настроения, чувства, прежде всего взволнованность, гнев, раздраженность) функции. Различные способы выражения комического создают особую картину мира и представляют такие значения, как состояние, отношение, воздействие, характеристика. Перспективы дальнейшего исследования связаны с определением особенностей философско-юмористического мироощущения в поэзии Бахыт Жана и осмыслением функциональной роли комических элементов в его конструировании.

Ключевые слова: комическое, философское, мироощущение, Бахыт Жан, рассказ, герой.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1406-1413

Введение

Бахыт Жан (Бахытжан Канапьянов) автор двадцати стихотворных книг, критических и публицистических статей, немало числа сценариев к фильмам. Если попробовать найти преобладающую черту его творчества, а она, по нашему мнению, более всего выразилась в прозе, то это будет философско-юмористическое мироощущение. Как отмечал М.М. Бахтин, мироощущение – это первичное эмоционально-чувственное, интуитивное начало в характеристике типов художественного сознания [3, с. 421]. Юмористическое мироощущение – это универсальная категория. В обобщенном виде она представляет собой этико-эстетический взгляд писателя как своеобразную авторскую структуру образов мира, которые обусловлены его позицией, художественными целями, взглядами, принципами познания творческой деятельности.

Актуальность данной статьи обусловлена рядом причин. Во-первых, необходимостью анализа своеобразия художественного воплощения юмористического мироощущения в прозе Бахыт Жана, потому что до сих пор этот вопрос не был предметом пристального внимания исследователей современной казахстанской литературы. Во-вторых, репрезентативностью Бахыт Жана как одного из интересных современных авторов, использующих юмор. В-третьих, важностью юмора как неотъемлемого компонента творчества Бахыт Жана, без осмысления которого не представляется возможным в полной мере интерпретировать произведения писателя и поэта.

Методы и материалы

При анализе прозаических текстов были использованы метод целостного анализа произведений казахстанской литературы; типологический метод, а также компонентно-семантический анализ, необходимый для определения комического смысла на различных уровнях художественного текста.

Обобщая работы Аристотеля [2], Ф. Гегеля [11], А. Бергсона [7], М.М. Бахтина [4], можно сделать вывод о том, что в основе юмора лежит несоответствие между сторонами объекта или явления, цель которых снижение их значимости. Комическое может реализовываться в форме юмора и сатиры. Но сами формы комического, по мнению В.Я. Проппа [18], Ю.Б. Борева [9], М.Т. Рюминой [20] и др., различаются только по идейным признакам.

Способы создания комического отличаются от его форм тем, что это средства воплощения, но никак не фиксация идейной направленности. К средствам комического следует отнести сарказм, иронию, прием неожиданности, гротеск, нарушение лексической нормы и т.п. Они проанализированы в работах А.Н. Лука [17], Б. Дземидока [12], С.В. Ивлевой [13, с.54] и др. В исследованиях С. Аттардо [26], С.Л. Слепцовой [21, с. 92] и др. рассмотрены функции комического в англоязычной литературе.

Ряд работ посвящен выявлению видов и форм комического на материале восточной литературы. По мнению Б.Я. Шидфара, комическое в восточной литературе – это одно из лучших средств воспитания человека прекрасным [25]. И.М. Фильштинский подчеркивал важную роль комического в арабской литературе XIII-XVI вв. По мнению ученого, цель непристойных шуток и диалогов – высмеять глупость, жадность, сластолюбие [24, с. 556]. Анализу материалов арабской народно-смеховой культуры и его практическому использованию в учебном процессе посвящена статья А.С. Бондаренко «Арабская смеховая традиция как предмет лингводидактики» [8].

Обсуждение

Бахыт Жан, оставаясь по своему духу и мироощущению глубоко национальным поэтом, вот уже на протяжении сорока лет активно выражает свое философско-юмористическое мироощущение посредством разножанровых стихотворений, повестей, рассказов, художественных переводов, поэтических переложений, притч, эссе, диалогов. Для передачи своего философско-юмористического мироощущения он использует комическое, юмор в соединении с трагическим, иронию.

Например, в рассказе «Байки старого комбайнера» главный герой – молодой хлебороб – личность, которой присущ комический модус художественности. Как отмечает В.И. Тюпа, «это хронотоп, связанный с праздником, в границах которого речевое «Я» – теперь уже не жизненный путь или долг в их непреложности, а всего лишь легко заимствованная маска» [22, с. 43].

После окончания сельскохозяйственного техникума молодой комбайнер едет на уборку урожая в колхоз. В первые дни его практики с ним и его наставником происходит ряд забавных случаев. Рассказчик в произведении – это сам герой описываемых событий. Он с добрым смехом и иронией повествует о поломке комбайна от перегрева, о замене необходимых деталей, о вызове на соцсоревнование своего наставника, хотя работают на одном комбайне.

Молодой человек – классическая фигура анекдота. Многие его жизненные эпизоды освещены добрым юмором и иронией. В их основе маленькая комическая сценка, имеющая простоту сюжетных линий и композиционных приемов.

«Подъехала машина, и шофёр, выйдя из кабины, протянул путёвку моему наставнику, но я, благо сидел ближе к шофёру, перехватил бумагу и подписал.

–Твоя подпись недействительна, – буркнул наставник, отбирая у меня путёвку. И поверх моей подписи поставил свою. Шофёр подмигнул мне и спросил:

- Учишься?
- Гм.
- Ну как, получается?
- Тм.
- А учитель хороший?
- Дм.

Шофёр отъехал»

Некоторые его поступки создают празднично-карнавальную стихию, потому что они противоречат законам логики.

- Практикант?
- Гм.
- Почему опоздал?

Я развел руки, скорчив кислую мину, собираясь оправдываться.

- Послезавтра уборка. Понятно?
- Тм.
- Комбайн знаешь?
- Дм» [16, с. 107].

В данном отрывке саркастические черты имеют ярко выраженный характер, а ситуация диалога лишь имитируется. Студент приехал на практику в совхоз для уборки урожая и в первый день знакомится со своим наставником. Такое взаимодействие создает внешнюю комическую ситуацию-антитезу – «умный /дурак».

Герой попадает в абсурдные ситуации под действием внешних обстоятельств, или из-за своего характера.

«Подошёл мой наставник, когда я с горделивым видом сел за штурвал нашего комбайна, и жестом указал на мой щит:

– Что это?

Я указал на его обязательства, затем на него самого.

Мой наставник, горячо жестикулируя, стал объяснять мне, что соревноваться на одном комбайне нельзя. Показывает на комбайн и поднимает один палец. Показывает на себя и на меня и – показывает два пальца. А затем пальцами опять показывает на меня – мол, сопляк ещё, чтобы со мной соревноваться! Я сижу молча, не внимаю его жестикуляции. А мой наставник, который не сопляк, лезет на бункер, собираясь сорвать мои сообязательства, да не тут-то было! Я грудью встал, чтобы защитить свои планы и обязательства от таких посягательств, пусть даже он мой наставник вот уже вторую неделю. Мой наставник, сплюнув, садится за штурвал. Я же, ехидно улыбаясь, держу свою вахту, стоя на мостике нашего степного корабля» [16, с. 110].

Практикант-хлебороб втянут в выстроенные им же самим комические ситуации. Повествуемые им истории преподносятся как действительный «факт» из собственной жизни, описанный в игровой форме. Юмористическая ситуация подчеркивает «смеховой» характер не только его поступков, но и окружающей действительности.

Данный герой-лицедей не единственный в рассказах Бахыт Жана. Есть и такие, которые не всегда по своему желанию разыгрывают перед окружающими некое «действие», представленное в «словесно-зрелищной форме»: «И когда во время шильдеханы по случаю снятия пут мальчика Наримана ..., аулчане впервые за многие дни отведали мясо молодой овцы, а джигиты и девушки устроили гулянья с пеньем и прибаутками, палуан, весельчак и балагур Балтабай, смеясь и издеваясь, вышел к приехавшим уполномоченным:

– Проходите, проходите, сегодня у нас в ауле той в честь славного Наримана. Будьте дорогими гостями. А для дорогих гостей ничего не жалко. Вот мы все вам и отдаем, ничего не осталось, а мясо последней овцы мы съедим сообща и запьем сурпой из единого казана, тем самым зальем свое горе на вашу радость... Балтабай стоял перед опешившими уполномоченными райцентра, и в его буйных глазах вскипала сквозь нарочитый смех вековая ярость тюленгута.

– Прекрати паясничать, – прикрикнул на него главный уполномоченный. – Пируете? Почему до сих пор не подан список жителей вашего аула в колхоз?»

И здесь Канапия-кажы, отводя в сторону этого рьяного уполномоченного, который вот уже третий раз наезжает в их аул, поведал древнюю притчу о сборщике дани: «Первый раз пришли сборщики, собрали дань. Народ плакал, жаловался, что слишком большая дань правителю. Через время вновь пришли сборщики, и по приказу правителя вновь стали собирать дань. Долго плакал народ, скорбно говорил, что последнее у них забирают сборщики. Не верил правитель. И послал в третий раз сборщиков дани. Народ смеялся и радовался их приходу. «Нет у нас ничего, – смеясь сквозь слезы, говорили они сборщикам, – так и передайте своему правителю». Сборщики ушли ни с чем и обо всем доложили правителю.

– Они встретили вас с радостью и весельем? – спросил сборщиков дани правитель.

– Да, наш повелитель, с радостью и весельем! – ответили сборщики дани.

– Тогда, действительно, у них больше ничего нет, – изрек повелитель. – Больше не трогайте их.

Пусть живут и радуются жизни...

Уполномоченный, хитро щури глаза, оглядел округу.

– Занятная притча, старик. Хочешь тем самым сказать, что в ауле вашем уже ничего нет, и потому народ радуется и ликует?» [6, с. 144-145].

Надо отметить, что умение смеяться в самые тяжелые минуты жизни – это защитная реакция, которая характерна для многих людей. Рассказ «У реки» повествует о событиях голодного года в казахской степи, когда многие семьи покидали свои места и старались перебраться в приграничные с Казахстаном земли. Герои рассказа, разговаривая с уполномоченными из района, выражают чувство

радости посредством притчи. С помощью эзопова языка они пытаются противостоять установленному властью порядку – сдаче государству всей живности, какая есть в семьях. В поэтике данного произведения праздник – обратная сторона человеческой трагедии, а разговор старика с представителем власти – бунт и фарс одновременно.

Диалог, передающий чувства радости и веселья, играет определенную роль в структуре рассказа. С одной стороны, он – важная составляющая в композиционной организации данного повествования. С другой – один из способов характеристики героев. Многое в данном диалоге построено по принципу соединения разговорной речи с элементами книжного стиля. Подобное использование смеховых традиций уходит корнями в казахский фольклор, в частности, в айтыс – своеобразное состязание певцов-импровизаторов.

Для подчеркивания эмоционального состояния говорящего Бахыт Жан использует в саркастическом ключе концепты «радость/горе»: «тем самым зальем свое горе на вашу радость». Данная оппозиция передает отношение своё/ваше (чужое). «Горе» приобретает такие понятийные признаки, как бессилие, боль, безнадежность, в которые заключено глубокое душевное страдание, вызванное обстоятельствами, которых невозможно избежать. В языковой картине мира «горе» связывают с водой. Вода, по мнению Н.Ю. Федуниной, одна из фундаментальных стихий мироздания [23, с. 125]. С. Аверинцев относит воду к эквивалентам первобытного хаоса [1, с. 240]. Вода в мифологии часто связана с отрицательным началом и потусторонним миром.

Радость является одним из позитивных концептов, но в данном отрывке приобретает трагическую окраску, так как связана с эстетикой зла: радость разрушения – умирание-смерть.

Бахыт Жан стремится передать философско-юмористическое отношение к миру посредством комического окраса ситуации, в основе которой лежит контраст:

«Открыла своим ключом дверь в ее квартиру. А там никого. Так и встали, как вкопанные, Ика и его мама Гульнар, которой через пять минут надо быть на работе...И тут зазвонил-затархтел телефон:

– Гуля, забери меня отсюда! – услышала она хрипый, но плачущий голос тети Кульпаш.

– Откуда? – испуганно спросила моя жена.

– Из вырезвителя.

– Ну ты, тетя, даешь! А где он, вырезвитель?

– На Попова, в Малой станице.

Гульнар, схватив в охапку Ику, ... выскочила на улицу. Поймав такси, она ...стала умолять водителя:

– Пожалуйста, знаете, где вырезвитель?

– А что не знать, мигом доставим.

В салоне такси Ика мило улыбался дяде-водителю. А рядом сидела с глазами, полными ужаса, Гульнар.

– За папой, небось, спешите? Забрать до девяти часов.

– Нет, за Бабой! – четко оттарабанил улыбающийся Ика. Таксист от неожиданности резко дал на тормоза у перекрестка.

– Да-а, дела!...» [6, с. 319].

Комическая ситуация построена на юмористической противоположности: вырезвитель – бабушка. Сам комизм появляется исключительно за счет контекста. При этом деталь «употребление спиртного» сквозная в данном рассказе, связана с темой праздника: «А застолье было в самом разгаре. Никто уже не скрывал ни от кого и сам ритуальный обряд, и той-пиршество по этому поводу. Все шутили и веселились как в стародавние времена.... Разумеется, в присутствии Аты большого много не пили, но Ата маленький находил момент, чтобы завлечь на кухню то тетю Кульпаш, то дядю Сержана, то дядю Тимура, и там продолжал угощать от всей души, а после опять все садились за стол» [6, с. 317].

Совместное вкушение спиртного – ритуальное коллективное действие. Оно относится к древнему символу нерушимой связи, обозначающее идею согласия и уверенного мироустройства. В тексте рассказа не только еда по случаю, но и повседневная пища становится «пиром на весь мир» [4, с. 307], потому что образы питья и еды не исчерпываются своей прикладной функцией – удовлетворением жажды и голода. Придерживаясь лучших национальных традиций, казахстанский писатель использует ситуацию возлияний как символ единения людей, утверждения начал общей жизни, противостояния упадку и распаду. С.И. Измайлова тонко заметила, что современный мир очень неустойчив, потому что в нем правит закон Пизанской башни – когда все должно рухнуть и все почему-то еще держится

[14, с. 119]. И именно поэтому казахскому автору наиболее дороги моменты объединения людей, собирания за одним дружеским столом близких не только по крови, но и по духу. Такое единение символизируют идею свободы, равенства, прочности жизненных оснований.

Праздник, спиртное, духовная и кровная близость становятся ценным, надвременным событием, противостоящим современному разлагающему духу меркантильности и стяжательства. Вино служит не средством помутнения рассудка, а для того, «чтобы притягивать то, что приятно душе, и отодвигать то, что ей не по вкусу» [15, с. 281].

В отрывке «Баба, тетя Кульпаш, после ухода Аты большого, захмелела и стала, как всегда, вспоминать свою былую веселую жизнь» [5, с. 317] тема распития образует лексический ряд: вино – опьянение – восторг – богатство жизненных впечатлений.

Выпитый до дна бокал спиртного – метафора уходящей жизни. Подобную символику можно обнаружить у А. Пушкина: «Блажен, кто праздник Жизни рано // Оставил, не допив до дна // Бокала полного вина, // Кто не дочел Ее романа...» [19, с. 190].

«– Саке! – шутливо спросил он, – это что? На дорожку – «жол аяк»?»

– Да послал одного молодого сотрудника за скотчем, чтоб перемотать папки. Сказал, чтобы не один, а два скотча купил, ибо материалов много. Час его нет, два часа нет... Наконец, приходит, навеселе, правда скотч принес, а в каждой руке еще по другому «Skotchy».

– Вот, агай, – говорит, – как вы и просили» [6, с. 71].

В данном отрывке повести «Иноходец судьбы» комическое выражено посредством каламбура. В его основе фонетическое сходство русского слова «скотч», означающего липкую пластиковую или бумажную ленту, предназначенную для хозяйственных нужд, и шотландского крепкого напитка «Skotchy».

Комическое появляется и тогда, когда высказывание становится саморазоблачением, как в киноповести «Асык». Смех при этом имеет саркастические черты, а ситуация диалога имитируется и вводится как деталь для обнажения истинного лица героя-лицедея:

«Тыл – это как говорит Иосиф Виссарионович, наш второй фронт. Понял, гражданин задержанный?»

– Понял, – уклончиво ответил Мукаш. Хотел добавить, что второй фронт – это не первый, но на всякий случай промолчал

–А не воевал я потому, что туберкулезник.

–Что-то не верится, – невольно улыбнулся Мукаш, оглядывая ладную, полноватую фигуру милиционера.

– Был...туберкулезником. В первые годы войны. Комиссовали. А затем вылечился. И знаешь чем? Кумысом и большими кусками казы. В больнице лечился – не помогло. Уехал на дальний отгон к родичам и все лето, каждое утро натошак большую пиалу кумыса выпивал, а в ней плавали два-три кругляшка казы. И не поверишь, не только вылечился, но и стал полнеть» [5, с. 83].

Герой демонстрирует архетипические черты трикстера, потому что выступает в роли «насмешника» над самим собой. Д.А. Гаврилов отмечает, что подобные герои привлекают «часть хаоса в реальный порядок вещей и тем самым способствуют деидеализации, изменяя мир идеальный в реальный» [10, с. 52].

Слова милиционера о себе – это пример саморазоблачения, которое преподносится в форме мнимого оправдания-покаяния.

Заключение

Произведения Бахыт Жана пронизаны комическим, которое не всегда вызывает улыбку и смех. Оно является своеобразным ключом к характеру героев. Празднично-карнавальная стихия, абсурдность, комические антитезы «умный /дурак» и «радость /горе», комический диалог, контраст стремятся передать философско-юмористическое мироощущение героев его произведений. Юмор у Бахыт Жана тесно переплетается с серьезным и трагическим описанием жизни. Но именно в этом современный писатель Казахстана видит реальную возможность передать настоящую жизнь. Его герои иногда противоречивы, как и сама амбивалентная природа смеха. Для лучших его героев комическое – это своеобразный взгляд на мир, который помогает им прощать недостатки людей и смеяться над собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Вода. Мифы народов мира: Энциклопедия. 2-е изд. Т.1. М.: Советская энциклопедия, 1991. 780 с.
2. Аристотель. Поэтика. СПб.: Амфора, 2008. 320 с.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504с.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Азбука, 2021. 640 с.
5. Бахыт Жан Летний кинотеатр. Притчи, рассказы, повести. Алматы: Жибек жолы, 2020. 344с.
6. Бахыт Жан Иноходец судьбы. Притчи, рассказы, повести. Алматы: Жибек жолы, 2019. 364с.
7. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
8. Бондаренко А.В. Арабская смеховая традиция как предмет лингводидактики. Вестник РУДН. Сер. 15. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2009. № 1. С. 47-54.
9. Боров Ю.Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенства мира... М.: Искусство, 1970. 269 с.
10. Гаврилов Д.А. Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре. М.: Ганга, 2009. 240с.
11. Гегель Г.В. Ф. Лекции по эстетике. М.: Эксмо. 2018. 224 с.
12. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 224 с.
13. Ивлева С.В. Лингвосомиотические характеристики комического абсурда: дис...канд.филоло.наук. Волгоград. 2010. 23с.
14. Измайлова С.И. Сыр, вино и редиска. Это ли не благодать?. Мотив вина в литературе: Материалы научной конференции 27-31 октября, 2001. Тверь: Тверс.ун-т, 2001. С.118-125.
15. Искандер Ф. А. Собрание сочинений: В 6 т. Харьков: Фолио; Назрань; АСТ. 1997. Т.3. 505с.
16. Канапьянов Б. Байки старого комбайнера. Нива. 2010. № 7. С. 107-121.
17. Лук А. Юмор, остроумие, творчество. Москва: Искусство, 1977. 183 с.
18. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Книга по требованию. 2012. 180 с.
19. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга. 2008. 1214 с.
20. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: URSS. 2022. 316 с.
21. Слепцова С.Л. Типы и функции комического на материале романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Лингвистические исследования художественного текста. Ашхабад, 1987. С. 91-115.
22. Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь: Тверской государственный университет, 2002. 80 с.
23. Федунина Н.Ю. «Горе» и «утешение» в русской языковой картине мира. Консультативная психология и психотерапия. 2008. Том 16. № 4. С. 124–137.
24. Фильштинский И.М. История арабской литературы. V – начало X века. М.: URSS, 2010. 528 с.
25. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI – XII вв.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. 320 с.
26. Attardo S. Humorous Texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.

Поступила в редакцию 19.06.2023

Бактабаева Аннель Глеумагамбетовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры языковых дисциплин
Казахский национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова
050000, Казахстан, Алматы, ул. Толе Би, 94
E-mail: smile_1713@mail.ru

A.T. Baktybayeva

**PHILOSOPHICAL AND HUMOROUS WORLDVIEW AND ITS COMPONENTS IN THE PROSE
OF THE MODERN KAZAKH WRITER BAKHYT ZHAN**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1406-1413

The article is devoted to the analysis of ways of conveying the philosophical and humorous worldview in the works of Bakhyt Zhan. The relevance of this study is determined by the lack of knowledge of this aspect in the modern literature of Kazakhstan. The scientific novelty lies in the fact that for the first time the author of the article considers the philosophical and humorous worldview on the example of stories from different years. The research methods were: the method of holistic analysis of a literary work; typological method; component-semantic analysis necessary to determine the comic meaning at various levels of a literary text. The results of the study showed that the components of the philosophical and humorous attitude to the world are the festive and carnival elements of some stories, the antithesis situation, the comic

verbal and spectacular form, the comic contrast that arise on the basis of the plot context, the comic dialogue and the presence of the trickster figure. The elements of this attitude perform a characterological function (highlight the state of the characters, describe their internal attitude to what is happening) and emotive (transmit moods, feelings, primarily excitement, anger, irritation). Various ways of expressing the comic create a special picture of the world and represent such meanings as state, attitude, impact, characterization. Prospects for further research are related to the definition of the features of the philosophical and humorous worldview in the poetry of Bakhyt Zhan and the understanding of the functional role of comic elements in its construction.

Keywords: comic, philosophical, attitude, Bakhyt Zhana, story, heroes.

REFERENCES

1. *Averincev S.S. Voda. Mify narodov mira: Enciklopediya. 2-e izd. T.1* [Water. Myths of the peoples of the world: Encyclopedia]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1991. 780 s. (In Russian).
2. *Aristotel'. Poetika* [Poetics]. SPb.: Amfora, 2008. 320 s. (In Russian).
3. *Bahtin M.M. Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. M. Hudozhestvennaya literatura, 1975. 504 s. (In Russian).
4. *Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. M.: Azbuka, 2021. 640 s. (In Russian).
5. *Bahyt Zhan Letnij kinoteatr. Pritchi, rasskazy, povesti* [Summer cinema. Parables, stories, stories]. Almaty: Zhibek zholy, 2020. 344 s. (In Russian).
6. *Bahyt Zhan Inohodec sud'by. Pritchi, rasskazy, povesti* [Pacer of fate. Parables, stories, stories]. Almaty: Zhibek zholy, 2019. 364 s. (In Russian).
7. *Bergson A. Smekh* [Laughter]. M.: Iskusstvo, 1992. 127 s. (In Russian).
8. *Bondarenko A.V. Arabskaya smekhovaya tradiciya kak predmet lingvodidaktiki* [Arabic laughter tradition as a subject of linguodidactics] // Vestnik RUDN. Ser. 15. Russkij i inostrannyj yazyki i metodika ih prepodavaniya. 2009. № 1. S. 47-54. (In Russian).
9. *Borev Yu.B. Komicheskoe ili o tom, kak smekh kaznit nesovershenstva mira* [Comic or about how laughter executes the imperfections of the world]. M.: Iskusstvo, 1970. 269 s. (In Russian).
10. *Gavrilov D.A. Tryukach. Licedej. Igrok. Obraz trikstera v evroaziatskom fol'klore* [Trickster. Actor. Player. The image of a trickster in Eurasian folklore]. M.: Ganga, 2009. 240s. (In Russian).
11. *Gegel' G.V. F. Lekcii po estetike* [Lectures on aesthetics]. M.: Eksmo. 2018. 224 s. (In Russian).
12. *Dzmidok B. O komicheskom* [About the comic]. M.: Progress, 1974. 224 s. (In Russian).
13. *Ivleva S.V. Lingvosemioticheskie karakteristiki komicheskogo absurda: dis...kand.filolo.nauk* [Linguistic and Semi-otic Characteristics of Comic Absurdity: Dis...candidate of philological sciences]. Volgograd. 2010. 23 s. (In Russian).
14. *Izmajlova S.I. Syr, vino i rediska. Eto li ne blagodat'?. Motiv vina v literature* [Cheese, wine and radishes. Isn't this a blessing? Motive of wine in literature]: Materialy nauchnoj konferencii 27-31 oktyabrya, 2001. Tver': Tvers.un-t, 2001. S.118-125. (In Russian).
15. *Iskander F.A. Sobranie sochinenij* [Collected works]. V 6 t. Har'kov: Folio; Nazran'; AST. 1997. T. 3. 505 s. S.281. (In Russian).
16. *Kanap'yanov B. Bajki starogo kombajnera* [Tales of an old combine operator]. Niva. 2010. № 7. S. 107–121. (In Russian).
17. *Luk A. Yumor, ostroumie, tvorchestvo* [Humor, wit, creativity]. Moskva: Iskusstvo, 1977. 183 s. (In Russian).
18. *Propp V.Ya. Problemy komizma i smekha* [Problems of comedy and laughter]. M.: Kniga po trebovaniyu. 2012. 180 s. (In Russian).
19. *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome* [Complete works in one volume]. M.: Al'fa-kniga. 2008. 1214 s. (In Russian).
20. *Ryumina M.T. Estetika smekha: Smekh kak virtual'naya real'nost'* [Aesthetics of laughter: Laughter as a virtual reality]. M.: URSS. 2022. 316 s. (In Russian).
21. *Slepцова S.L. Tipy i funkcii komicheskogo na materiale romana CH. Dikkensa «Posmertnye zapiski Pikvikskogo kluba»*. Lingvisticheskie issledovaniya hudozhestvennogo teksta [Types and Functions of the Comic Based on Ch. Dickens' Novel "The Posthumous Papers of the Pickwick Club"]. Linguistic studies of literary text]. Ashkhabad, 1987. S. 91-115. (In Russian).
22. *Tyupa V.I. Hudozhestvennyj diskurs (Vvedenie v teoriyu literatury)* [Artistic discourse (Introduction to the theory of literature)]. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2002. 80 s. (In Russian).
23. *Fedunina N.Yu. «Gore» i «uteshenie» v russkoj yazykovej kartine mira* [Woe and "consolation" in the Russian language picture of the world]. Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2008. Tom 16. № 4. S. 124–137 (In Russian)..
24. *Fil'shtinskij I.M. Istoriya arabskoj literatury* [History of Arabic Literature]. V – nachalo X veka. M.: URSS, 2010. 528 s. (In Russian).

25. *Shidfar B. Ya.* Obraznaya sistema arabskoj klassicheskoj literatury (VI – XII vv.) [Figurative system of Arabic classical literature (VI – XII centuries)]. M.: Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1974. 320 s. (In Russian).
26. *Attardo S.* Humorous Texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001. 238 p. (In English).

Received 19.06.2023

Baktabayeva A.T., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Language Disciplines
Kazakh National Medical University named after S. Asfendiyarova
Tole Bi st., 94, Almaty, Kazakhstan, 050000
E-mail: smile_1713@mail.ru